

Творческий потенциал квестима и деклатима. Отношение к завершённости и законченности работы

(Фрагменты из книги В.И. Стратиевской "Квестимость и деклатимость - борьба и единство миров") 1. Творческий потенциал квестима и деклатима. Отношение к завершённости и законченности работы

Исходное положение:

В любую единицу времени

деклатим всегда "равен сам себе с избытком" (+б.л.)

а квестим, - "с недостатком" (-б.л.).

Вопрос с окончательным решением (или вариантом) творческой работы и моментом её завершения для квестима всегда остаётся открытым.

Деклатиму решать этот вопрос намного легче: он такой, какой есть в любой момент времени (близкие пространственно - временные связи).

И работа его "такая, какая есть" в каждый отрезок времени. "Вот, что есть, то и бери!.. Пока дают..."

Квестим в любой момент времени только такой, какое ещё будет: "Сейчас не получилось, значит завтра получится, или послезавтра..." (Далёкие пространственно - временные связи).

И если деклатим, - это всегда "вещь в себе", - та, которая уже есть (в каком - то смысле он уже цельный и завершённый в каждую единицу своего времени, - и это также одна из причин, по которой он не любит нарушать целостность ощущения времени и целостность своего мироощущения то квестим, - это сам себе потенциал, тот который есть и тот который будет.

Поэтому квестим требует и от себя и от окружающих большего доверия к своему интуитивному потенциалу (+ч.и.), как бы говоря: "Доверяйте мне, и я вас не разочарую". (Что приводит к огромным осложнениям и в межличностных, и в интERTипных отношениях. И делает чудовищно болезненными отношения конфликта, ревизии, и соц. заказа.)

Потенциал деклатима - это его система выживания, программа жизнеобеспечения "здесь и сейчас", требующая законченности и завершённости формы в каждую единицу времени. (+б.и.) В этом смысле деклатимная модель в большей степени сенсорная (-ч.с.) Берущая своё концептуальное начало от о цельной и завершённой формы ТИМа СЛЭ (-ч.с.), - от его "тяжёлой" волевой сенсорики, (b - сенсорики), требующей абсолютной цельности и сплочённости материальных масс и форм в каждую единицу времени (их абсолютной "непрошибаемости" в каждую единицу времени, в процессе борьбы или обороны), от ощущения абсолютной и законченности в каждую единицу времени их творческой (или научной работы).

Автор: admin
12.11.2011 16:00 -

Позиция деклатима: "любая мысль должна всегда выглядеть завершённой, даже если она при этом будет выглядеть абсурдно, а постоять за неё (или за себя) мы всегда сумеем!"

Лучше деклатим потом сам себе "удивиться" ("Надо же! Как же я это проглядел, пропустил такую ошибку?! Интересно..." - ЛИЭ, Джек, - мастер таких представлений), чем вынесет идею на суд общественности незавершённой, или непрочной по форме.

А когда начинаются претензии к содержанию, отговорка всегда одна: "Ну, милые мои! Это вы сразу всего и многого от меня хотите!.. Так не бывает!..", - из - за чего квестим часто теряет интерес к идеям и разработкам деклатима. И общение с ним ему кажется недостаточно информативным.

Скучно бывает квестиму с деклатимом, - неинтересно! "Прикидывается недоучкой" почём зря, "косит под недоумка",- кому понравится это "балаган -шоу"?

Чаще всего "балаган - шоу" возникает тогда, когда деклатим выдаёт "на гора" какую -нибудь "дутую" псевдо -идею, имеющую локальный, ограниченный радиус применения, выгодный только ему.

"Гонит" этакую поверхностную "демо- версию" ("мечет пустышку", лишённую смысла и "ядра", лишённую сути и неспособную ни "прорасти", ни развиться во что - либо путное. И, конечно, это не та идея, которую имеет смысл подхватывать и развивать как "подарок судьбы", а некая "болтовня наобум", "идея в порядке бреда", "трёп ради трёпа", в котором главное,- это вообще "что - то сказать, в обсуждении поучаствовать". А результат - дело второстепенное: "попал в точку",- хорошо! Нет, - не взыщите!

Хуже, когда деклатим начинает настаивать на том, чтобы такую его "демо - версию" реализовали! Тогда вся ответственность за неудачу прямиком падает на реализатора: "Сам виноват, не надо было слушать, надо свою голову на плечах иметь!" - оправдывает себя деклатим, как это обычно происходит в отношениях ревизии, особенно, если ревизует такой любитель опасных экспериментов, как деклатим - объективист ЛИЭ (Джек), ИЛИ (Бальзак), ЭИИ (Достоевский), ИЭЭ. (Гексли).

Настоящий же выстраданный проект деклатима обладает большим жизнотворным и жизнедеятельным потенциалом - он и перспективен, и глубок, и всеобъемлющ одновременно. И обязательно экологичен, потому, что подаётся и развивается как настоящая эко - система в благодатной эко- среде.

Проекты, в которых действительное подменяется желаемым и которые деклатим часто навязывает другим: "пойди и сделай!", "возьми и достигни!", "докажи, что ты на это способен!", "поверь сам в себя!", "удиви нас всех!", в которых кроме обманчивой простоты, дутой инициативы и мнимого участия вообще ничего нет, - этакие "идеи - пустышки", обречённые на вымирание, как клетки без ядра, - вообще не достойны "Его Плодородия" деклатима, отбраковываются им, или подсовываются другим : "возьми себе Боже, что мне негоже!". Сам бы он такими проектами не заинтересовался,- зачем

ему-то гоняться за мыльными пузырями? А другим подсунуть, - милое дело, особенно в перманентных отношениях ревизии! Всегда интересно узнать, что сможет сделать другой человек с "отбракованным" материалом, который он давно уже посчитал бесперспективными и несостоятельными. Хотя для этого надо, как минимум, кого - то убедить в противоположном.

Квестим ничего не желает принимать на веру, во всём считает необходимым сомневаться, всё перепроверять, сравнивать результаты и соотносить выводы. Поэтому к чужим идеям относится подозрительно - это не его метод.

Чужая идея его вообще не заинтересует. Ему и своих - то девать некуда. Поэтому только в ИТО ревизии деклатим и может ему навязать свой "исключительный" проект. Квестим возьмётся за него неохотно (Если ещё возьмётся!). Чужую идею надо сперва продумать и просчитать. В любом случае серьёзно и основательно заниматься такой работой не стоит. И уж, во всяком случае, не следует спешить с её выполнением и завершением. (Деклатим тысячу раз потеряет терпение прежде, чем получит хоть какую - то "отдачу" от работы квестима)

Не любит квестим быть реализатором чужих идей и исполнителем и чужой воли. Свобода творчества - это то, ради чего он живёт. А завершённая работа, по его мнению, вообще не бывает и быть не может (+ч л.). Всегда есть над чем подумать и поработать. А кроме того, любая завершённая работа, по мнению квестима, моментально начинает обрастать "штампами", теряет ощущение свежести и новизны, не оставляет места для импровизации (+ч.и., +ч.э., +ч.с., +ч.л.).(Это же не то, что дом построить: последний кирпич положил и всё, работа завершена. Творческая работа - дело тонкое, - тут надо подумать, поискать, может быть что - то изменить. Торопиться не надо.)

Квестим терпеть не может, когда его торопят со сроками выполнения работы, а потом ещё и придираются к качеству. Абсолютного качества всё равно достичь невозможно. А кроме того "избыток качества" "убивает" работу. И она становится слишком искусственной (как механический соловей из сказки Андерсена).

Степень завершённости своей работы квестим любит определять сам. Если посчитал её завершённой, значит так оно и есть. И ничего уже менять не надо. А тем более добавлять. (Желание, которое обычно возникает у деклатимов при оценке работы квестимов: "Вот я бы ещё тут добавил, вот я бы ещё там добавил".

На что обычно квестим обижается: "Вот сделал бы свою работу и добавлял себе, что хотел!" Но в отношениях ревизии квестим обычно подчиняется поправкам деклатима. Просто потому, что оказывается в безвыходном положении.

Превеликих трудов стоит квестиму любая попытка настоять на своём и оставить работу в том состоянии, которое он сам считает законченным и завершённым. Спонтанно возникающие ситуации перманентной ревизии квестимной и деклатимной моделей в межличностных отношениях из-за внезапных и частых нападков самовольных ревизоров,

превращают творческий процесс в пытку.

Иногда квестим сам провоцирует активность потенциального ревизора, невольно сам "вызывает огонь на себя". Теряясь в сомнениях по поводу завершенности работы, он обращается за советом к кому -нибудь из друзей. Советы "свежего на взгляд" квестима, который (также как автор) теряется в сомнениях и "непонятках", кажутся ещё менее убедительными и редко кого устраивают. За убедительным и окончательным мнением квестим обращается к деклатиму, уверенному в своих словах человеку, который говорит, как рубит. (А рубит всегда с плеча и наотмашь.) Но у деклатима свои, отличные от квестима, представления о форме, о материале, о пространстве, о подаче информации, о последовательности информационного потока и об организации информационного поля. О завершенности произведения и творческого процесса у него тоже свои представления, исходящие из структуры его деклатимной модели. И в них он уверен и ни на йоту от них не отступит.

Поэтому, когда квестим предлагает деклатиму оценить свежим взглядом его работу, тот сначала нехотя её просматривает ("ходят тут всякие, используют его как консультанта"), а потом камня на камне не оставляет от первоначальной версии: всё плохо, никуда не годится, всё надо менять и переписывать заново. (А лучше вообще заняться чем -нибудь общественно полезным: землю пахать, улицы подметать, коров пасти... "Не надо мнить себя гением! Их и так больше нужного развелось. В поле работать некому!.." и т. д.)

Вот и получается, что у квестима нет другого выхода, кроме как работать со своей музой. Но муза - она же не менеджер! Работу пробивать и продвигать не будет. "Романы с музами" заканчиваются "работой в стол"... Поэтому квестим старается убедить деклатима в уникальности своего авторского замысла. Деклатим долго притворяется непонимающим и делает вид, что сомневается в целесообразности такой работы. Потом, проконсультировавшись по своим каналам, понимает: квестима с его проектом "надо брать", пока другие не перехватили. А дальше разыгрывается сценка из сказки: "Сядь ко мне на носок и пропой ещё разок!" - деклатим проявляет интерес к работе квестима и выражает желание в ней разобраться. А чуть только он в ней разобрался, он уже считает его работу своей. Он уже её полюбил как родную. Он уже "поглотил" квестима вместе с его проектом. Это теперь это уже его (а не квестима) проект, а квестим значит в нём только простым, подконтрольным исполнителем. И теперь уже деклатим ни сам проект, ни процесса контроля над ним из своих рук не выпустит.

2.Квестим и деклатим в состоянии перманентного контроля

Проявив заинтересованность к чужому проекту, деклатим начинает тут же "отчески опекать" подающую надежды "творческую личность", представляя себя его покровителем, а проект - своим "детищем", он говорит о нём не иначе как "наш проект" и "мой человек" (или "один мой знакомый") над ним работает". Взяв установку на сопричастность к будущему "творению века", деклатим уже не оставляет квестима в покое: теперь уже он ("почти официально", по факту молчаливого согласия квестима)

является его наставником, научным руководителем, творческим вдохновителем, организатором - распорядителем. Может "пустить по рукам", "выставить на торги", может обращаться с ним как с вещью, может отправить его с поручением к нужному человеку для оказания нужных услуг, может располагать им как угодно, всё, что угодно обещая от имени подконтрольного ему квестима и заставляя всё это выполнять, сердясь или уговаривая: "Я уже обещал! В какое положение ты меня ставишь!"

Всё сделает деклатим, кроме одного: он не выведет квестима на рынок. Доступа к сбыту своей продукции квестим не получит. Эту прерогативу деклатим оставляет за собой. А квестим у него будет существовать на положении просителя, довольствующегося малым. Взвесив, все "за" и "против", квестим понимает, что при таких условиях "роман с музой" и "работа в стол" оказывается всё - таки выгодней. Тут он по крайней мере остаётся хозяином положения. Сам себе принадлежит и может творить свободно, в удобном для себя режиме, рассчитывая и полагаясь только на себя.

Но не тут - то было: деклатим уже почувствовал "запах дичи", вошёл в азарт и квестима он от себя не отпустит. Взяв установку на причастность к "творению века", деклатим квестима уже в покое не оставляет, он теперь уверен, что имеет на квестима (и на его творение) "все права" и "выращивает" его, как курицу, способную в будущем нести "золотые яйца", или как "золотого петушка", который о нём громко прокукарекает на весь мир так, что все вокруг про него скажут: "Это тот самый, который "открыл" и "вырастил" гения. А без него этот автор был бы "никто и звать никем" - ноль, пустышка, никем не замеченная и подающая "сигналы бедствия" со своего "необитаемого острова", именуемого "работой в стол".

Рассуждая в таком ключе, деклатим и продолжает свою опеку, преодолевая сопротивление квестима. И тут для последнего опять начинаются "чёрные дни" подневольного, каторжного труда. Деклатим может в любое время застигнуть квестима врасплох: позвонить и потребовать отчёта о проделанной работе, или наведаться без предупреждения. Заявится нежданно - негаданно, требуя новых сводок "с рабочего фронта" и "новых вестей с полей", без приглашения проходит в комнату: "Посмотрим, что у нас тут новенького!". И, не дождавись ответа, напрямую - шась! - к компьютеру и уже сидит себе прочно, по - хозяйски расположившись в кресле, - не сдвинешь! Уже и дискету свою пристраивает, клавиши нажимает, программу загружает, нужный файл разыскивает. Нервничает, если не сразу находится.

Новый материал его, разумеется, не устраивает. Не устраивает форма и качество изложения материала, не устраивает порядок изложения и скорость выполнения работы. Скорость подачи материала и продуктивность квестима его не устраивают больше всего: "Это всё, что ты написал?! Вот это, вот??? Со вчерашнего дня?! Вот это - вся твоя работа?! - делает он круглые глаза. - Ну, ты даёшь! Я от тебя такого не ожидал... Да-а-а... Разочаровал ты меня. А я всем говорю: ты такую работу делаешь - супер! Да... Подводишь ты меня, подводишь... Ну, ладно!.. Давай, работай! Вечером позвоню. Иди, работай, давай!.. Завтра приду, читаю..."

Те же проблемы возникает и в научных трудах, и в литературном творчестве и в простых бытовых формах передачи информации. Деклатим требует, чтобы квестим говорил сразу всё, с максимальной полнотой и ясностью, по возможности, начиная с конца. Любой другой вариант подачи материала деклатима раздражает: "Что ты говоришь намёками да загадками?! - возмущается он, - говори сразу, толком и по существу!" Деклатим требует, чтобы всю суть ему вываливали сразу, максимально полную и определённую со всех сторон. А квестиму ещё надо до сути дойти. Но деклатима слишком долгое развитие сюжета не устраивает. Раздражает затянувшаяся неопределённость.

3. Квестим и деклатим. Недостаточность и избыточность информации

Своё раздражение недостаточностью и неполнотой информации деклатим вымещает на подконтрольном ему квестиме: "Ну, что ты ходишь всё вокруг, да около?! Не мог, что ли, сразу об этом сказать?!"

А вот этого уже не понимает квестим: "Как можно сразу выложить всю информацию? Её надо постепенно подавать, по мере раскрытия... Как можно говорить сразу обо всём? Как можно начинать рассказывать историю с конца?! Даже если раскрывать историю через ретроспективу, у читателя всё равно возникнет потребность выстроить её, исходя из соотношений последовательной причинно - следственной связи событий?" Но нетерпеливому деклатиму сразу хочется знать, чем закончится эта история. Ему необходимо получать всю информацию сполна и сразу. Иначе не будет ощущения полноты контроля над ситуацией, не будет полноты контроля на творчеством квестима. За которым нужен "глаз да глаз". А иначе, напишет, не пойми чего, и разбирайся потом в одиночку. Поэтому, деклатиму нужно, чтобы сразу ясно всё было, чтобы при желании он и сам мог всё это воссоздать и пересказать. Когда ему выдают информацию по частям "через час по чайной ложке", деклатим чувствует себя обманутым: а может его вообще морочат и дурят? Поэтому лучше узнавать всё обо всём. Побольше и сразу.

"Вот как хочешь, так и излагай материал, но так, чтобы сразу всё ясно было. Говорить надо сразу обо всём! Объяснять сразу всё и сполна! А запутывать и перепутывать -каждый дурак может!"

Есть что - то нечестное в перепутывании изложения материала. Сам деклатим пользуется этим, когда хочет сбить собеседника с толку. Когда хочет сбить со следа, увести в сторону, заморочить, обмануть, засуетить. (Особенно характерно для ИЭЭ (Гексли)

Из - за этого у квестима возникают постоянные стычки с окружающими его деклатимами "ревизорами" и "болельщиками", первыми читателями и "критиками". Они сразу же и начинают с претензий: "А почему ты об этом не написал?.. А ты напиши! А почему ты сразу этого не сказал? Надо было сказать... Скажи, и сразу всем станет ясно!.. Вот так и скажи: виноват такой - то!.. Нет, а ты всё - таки скажи ... Нет, надо сразу казать. Потом поздно будет... А почему ты эту главу так оборвал?.. Ты ещё будешь её дописывать? Надо дописать... Ты её так не оставляй... Давай - ка, садись дописывай!"

Сразу сядь и допиши! Я вечером приду, прочитаю..."

В изобразительном искусстве требование полной и максимальной ясности становится для квестима - художника настоящим бедствием..

Деклатимы - "болельщики" и здесь навязывают подконтрольным квестимам своё представление о форме, о материале, о том, как должна выглядеть законченная работа:

- А почему ты эту линию до конца листа не довёл? - спрашивают они, то и дело. - А почему ты с этой стороны не заштриховал?

Будучи убеждёнными в том, что каждый элемент композиции должен обязательно что - то обозначать или нести какую - то смысловую нагрузку, желая знать о работе художника больше, чем он сам о ней знает, и понимать её лучше, чем он сам понимает, они то и дело спрашивают:

- А что означает эта фигура? А что выражает это пятно?..

Говорить им, что это ничего не выражает - верх неосторожности. Тут же последует замечание:

- Так нельзя! Надо обозначить! - настаивают они, опасаясь, что какая - то часть информации от них ускользнёт (-ч.и.). (Уж, если контролировать, так во всём!)

В вопросах композиции они тоже считают необходимым вмешаться в каждый этап и элемент работы, оставить последнее слово за собой:

- А почему ты это поместил здесь, а не там?

- Потому, что там и так всего много, - терпеливо объясняет подревизный.

-Ну и что! - не сдаётся ревизор, - это можно передвинуть сюда, а это - сюда!..

Вот так стоит себе за спиной подревизного и выдаёт одну альтернативу за другой, исходя из всего, что на ум взбредёт (-ч.и.):

"Это можно было бы так сделать... Это можно бы этак... А это можно было сюда передвинуть..."

И не дай Бог оставить хоть что - то в работе не уточнённым, неопределённым, незавершённым, необозначенным! Налетит коршуном и начнёт терзать:

- А что здесь обозначено? А почему ты это до конца не довёл! Почему здесь светлое, а там тёмное. Почему это так, а там - этак...

У квестима создаётся впечатление, что деклатим над ним попросту издевается. Он начинает выходить из себя и перестаёт быть деликатным и терпеливым. И тут уже приходит черёд "болельщика" обижаться и делать "удивлённые глаза":

- А что я такого сказал?! Почему я не могу что - то посоветовать?!.. Тебе уже и слова сказать нельзя, на людей бросаешься...

И тут же жалуется на подконтрольного по телефону: "С ним так тяжело!.. Такой неадекватный стал... Так реагирует на всё..."

Конечно, многое зависит и от способности подконтрольного "держать удар".

Когда великий Микеланджело (ЛИИ) ваял для флорентийской сеньории из 5,5-метрового куска каррарского мрамора своего непревзойдённого "Давида", - лучшую статую всех времён и народов, символ богоподобной гармонии и совершенства человека, - кто только ни приходил к нему в мастерскую с советами и наставлениями. Все жители города считали себя его заказчиками. Все, кому не лень, приходили посмотреть и полюбопытствовать, как продвигается работа. (Если медленно, - донести, кому следует, если быстро, - рассказать, что увидели своим друзьям. Многие хотели посмотреть на статую ещё до того, как она будет выставлена. И каждый считал своим долгом внести поправку в работу мастера, каждый требовал "то там убавить, то тут подрубить" (а мрамор - не глина, убавишь, не прибавишь). Если бы Микеланджело всех их слушал, его "Давид" из пятиметрового "гиганта" почти сразу бы превратился в "карлика" и стал бы миниатюрной настольной статуэткой... Но у скульптора были свои возможности противостоять замечаниям критиков. Зная мстительность человеческой природы, он не выгонял посетителей из мастерской, а делал вид, что соглашается с ними и покорно поднимался по лесам, зачерпнув по дороге горсть мраморной крошки. А потом сверху высыпал её перед посетителем и спрашивал: "Так лучше?". Критик отвечал: "Да, так намного лучше!..", после чего они расходились в разные стороны, довольные друг другом.

В мире музыкальной культуры "держать удар" как правило не удаётся. Музыка - материал эфемерный: одному так слышится, другому - этак. Но при этом каждый настаивает на своём, и все остальные методы воздействия на подконтрольного тоже остаются в силе: "то перепиши, это измени, там исправь".

Когда М.И. Глинка (ИЛЭ) работал над созданием своей оперы "Руслан и Людмила" к нему в рецензоры пристроился поэт Н. Кукольник (ЭИИ, Достоевский - рецензор ИЛЭ, Дон - Кихота). Проверял, прочитывал каждый лист его рукописи и всё приговаривал: "Слабо, Мишенька, слабо! Можешь лучше написать!". "Не могу! - отвечал Михаил Иванович, - лучше уже не могу!". "Можешь, Мишенька, можешь! - не сдавался рецензор.- Иди, Мишенька, и напиши лучше. Даю тебе неделю сроку. Через неделю принесёшь, проверю!" Через неделю автор приносит вариант, альтернативный первоначальному (то есть, созданный уже по интуиции альтернативных потенциальных возможностей (-ч.и.) рецензор его "смотрит" и одобряет: "Вот видишь, Мишенька, можешь работать, когда захочешь!.." (Эпизод из пятисерийного документального телефильма "М.И. Глинка" о жизни и творчестве композитора.)

(Интересно, что бы делал "Мишенька" без таких "рецензоров"! И как он вообще ухитрился сочинять без них музыку, подолгу путешествуя по Европе...)

Когда М.И. Глинка приступил к работе над оперой "Руслан и Людмила", самым смелым надеждам, предположениям и ожиданиям его восторженных поклонников не было границ! Судя по ошеломляющему успеху предыдущей оперы ("Жизнь за царя"), все были уверены, что музыкальное воплощение великой поэмы А.С. Пушкина будет в высшей степени достойно литературного первоисточника. (Даже срок и дата премьеры были

назначены день в день!¹⁾ Понимали, что после М.И. Глинки к этой теме уже никто не подойдёт и не превзойдёт его за всю последующую историю музыки. Сам проект казался невероятно заманчивым, и каждый искал возможность в нём поучаствовать, приобщиться к великому творению двух гениев, оставить после себя след в истории.

1

Премьера оперы М.И. Глинки "Жизнь за царя" ("Иван Сусанин") состоялась в Петербурге 9 декабря 1836г. в Большом театре. Премьера оперы "Руслан и Людмила" состоялась там же, ровно через шесть лет: 9 декабря 1842 года.

"Всяк старался сам для себя", как говорит пословица, и вот, что из этого получилось: по количеству соавторов - "текстовиков" опера "Руслан и Людмила" является беспрецедентным примером в истории музыки. Кроме текста либретто, написанного самим композитором и включающего в себя огромное количество стихотворного авторского текста А.С. Пушкина, в работе над текстом оперы принимали участие ещё шесть (!) литераторов: В.Ф. Широков, Н. Кукольник, Н. Маркевич, М. Гидеонов, К. Бахтурин, А. Шаховской. И со всеми надо было обсуждать и согласовывать музыкальный и литературный текст (других соавторов - текстовиков). Всех спрашивать, со всеми советоваться, всех и каждого убеждать, переубеждать, оспаривать, каждому что - то доказывать, подсказывать, проигрывать, наигрывать, пропевать... (А кого - то и обучать попутно азам музыкальной гармонии и композиции, чтобы убедить их согласиться с мнением автора.)

Под стать условиям творческого содружества оказался и результат: две начальные композиции - блистательная, феерическая увертюра и виртуозная каватина Людмилы, написанная в лучших традициях бельканто (единственное, что осталось от первоначального (до - альтернативного) замысла автора), в стилевом отношении существенно отличаются от последующих фрагментов оперы.

Когда к творческому процессу подключается ревизор, муза чувствует себя "третьей лишней", "искра божественного присутствия" исчезает, порыв вдохновения гаснет, интерес к работе пропадает и очень не скоро возвращается. И это естественно: ревизор (а особенно деклатим) вытесняет подревизного из сферы его творческих интересов, беря управление творческим процессом в свои руки (чтобы надёжнее было!). Творческая мысль ещё не успела зародиться, развиться или созреть, а ревизор уже держит ситуацию под контролем: неотступно следит за автором, интересуется каждой деталью проекта, делает замечания наобум, вносит "ценные предложения", настаивает на их исполнении...

Подсознательная зависть к одарённому и потенциально более успешному подревизному, как раз и заставляет менее успешного ревизора наведываться с актами "добровольной проверки", которые он "бесхитростно" облакает в форму дружеской опеки и участия. (Если бы не верил, что опекает гения, не только не суетился бы, но даже и пальцем бы не пошевелил. Зачем ему тратить своё время и силы на будущего неудачника?)

И хотя самовольно навязчивый ревизор ставит себе такую "опеку" в заслугу, основной вред его наставлений заключается в том, что они подаются:

- а). "от лукавого" - "превосходства и амбиций ради", ради желания любой ценой перекрыть своим мнением предыдущий авторский вариант;
- б). "наобум" - бестактно и необдуманно, исходя из диаметрально - противоположной альтернативы;
- в). и авантюрно - "на авось": авось приживётся идея, тогда и он будет собой гордиться: уже не напрасно прожил жизнь: доля его участия в этом проекте присутствует.

Успешно работать под боком у ревизора никто вообще не может, - ни квестим, ни деклатим. (Как бы щедро природа их ни одаривала!) Особенно, если ревизор ещё неумён, недалёк, труслив и малодушен, патологически конформен, но при этом дотошен, высокомерен, настойчив, честолюбив и жесток. Каждый день звонит или прибегает поинтересоваться успехами, требует отчёта и одаривает "ценными указаниями". О свободе творчества нечего и думать, пока он рядом. Сначала надо сделать так, чтобы он оказался не просто далеко, а очень далеко, а потом уже приступать к работе. Но, опять же, если получится: потому, что ревизор уйдёт, а "ревизия" (привычка чувствовать себя подконтрольным) останется и будет "стоять над душой и за спиной" у подревизного, как призрак. Поскольку теперь уже вся ревизия в нём и при нём. Программа самокритики и авто коррекции уже глубоко встроена и "запущена". И никуда ему теперь от неё не деться. Проще поменять профессию и направление творческой деятельности.)

Вне свободы творчества квестим себя не мыслит. А абсолютно завершённая, законченная "со всех сторон" работа кажется ему скучной до тошноты. Он на неё уже смотреть не может. По закону отрицания отрицания ему хочется её переделать от начала и до конца. Или сделать вообще другую работу, всю о другом. А эту куда-нибудь убрать, выбросить, чтоб её видно не было. Может запросто в печку её бросить в порыве раздражения - с него станет! (Выбросить файл в "корзину", а из "корзины" - долой, прочь из компьютера, чтобы потом не передумать, - самый "его метод".) Или, как минимум, стереть хотя бы кусок работы, чтобы хоть какой - то вопрос оставался открытым!

По мнению квестима: "Если в работе, в системе нет открытых вопросов, в ней нет и жизни, нет возможностей дальнейшего развития". И, значит, её вообще не нужно делать. Незачем её и заканчивать. Пусть полежит пока, до лучших времён... Может ещё из неё выйдет что - нибудь интересное. Вдохновение не приходит по заказу... А на незаконченную работу вдохновение скорее слетит". (Муза - существо любознательное, ей тоже захочется узнать, чем и когда его работа закончится.)

А значит и "открытый вопрос" должен оставаться в его работе всегда, а иначе работа перестанет быть (квестимной) "открытой книгой" и станет (деклатимной) "замкнутой вещью в себе". Перестанет быть интересной для него самого и станет интересной "только для самой себя". (Если, конечно, в ней останется ещё хоть что - нибудь интересное").

Но самое интересное по мнению квестима - это не то, что уже сделано, а то, что ещё можно сделать (+ч.и., +ч.э., +ч.с., +ч.л.).

Поэтому даже при самой завершённой проработке какая - то часть работы обязательно должна выглядеть чуть- чуть "незаконченной", незавершённой, оставляющей место для будущего развития, для фантазии и воображения, для новых и альтернативных вариантов. А "из одних только "перлов" состоит только "перловая каша".

По глубочайшему убеждению квестима "совершенное выглядит ещё совершенней на фоне "незавершённого". Как "яркое" выглядит ещё ярче на фоне приглушённых тонов. А кроме того (и это самое главное!), к завершённости квестима не допускает его "незавершённая, "открытая" и "далёкая" сенсорика ощущений (-б.с.) (ощущения могут перемениться: то, что нравилось ещё вчера, сегодня уже не нравится.). И постоянный взгляд в прошлое по аспекту интуиции времени (-б.и.), а из него - в далёкое будущее, перспективами которого он дорожит и просматривает по аспекту интуиции возможностей (+ч.и.).